Чем (не)опасна инфодемия: как и зачем исследуют фейковые сообщения и слухи во время пандемии

Александра Сергеевна Архипова [1], [2]

✉ alexandra.arkhipova@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8853-0003

[1] Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия
[2] Российская экономическая школа, Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Архипова, А. С. (2020). Чем (не)опасна инфодемия: как и зачем исследуют фейковые сообщения и слухи во время пандемии. *Фольклор и антропология города*, *III*(1–2), 190–202. DOI: 10.22394/26583895-2020-3-1-2-190-202.

Данная статья анализирует несколько десятков исследований, посвященных социальным аспектам пандемии COVID-19 — возникновению и развитию инфодемии, то есть волны слухов о болезни — и систематизирует их итоги и выводы. В статье разбираются две точки зрения на существование этих слухов. Согласно первой, они являются социальной болезнью и поэтому опасны, согласно второй подобные волны слухов — это результат психологической адаптации. Ситуация с коронавирусом специфична тем, что люди сталкиваются с необходимостью в долгосрочной перспективе следовать новой медицинской политике. Однако эта новая медицинская информация весьма травматична сама по себе — она требует от людей изменения их образа жизни, и из-за этого она, как правило, вызывает сильный стресс. В результате, оказываясь между Сциллой (новой непонятной опасностью) и Харибдой (нежеланием и непониманием, почему надо выполнять странные и угрожающие предписания), люди начинают распространять сообщения, в которых «неудобная» для них официальная информация трансформируется. Нельзя отрицать негативные последствия следования «вредным советам» и игнорирования полезных, но распространение слухов имеет свои социальные функции. В краткосрочной перспективе эти действия помогают не только обрести уверенность, но и избежать социальной атомизации в условиях общественного напряжения. Материалом стали новейшие зарубежные и российские исследования в области когнитивной психологии, социологии и антропологии.

Ключевые слова: городская легенда, фейковые новости, COVID-19, инфодемия, слухи, городские легенды, паника

Благодарности
Выражаю искреннюю благодарность моим коллегам Дарье Радченко и Борису Пейгину за помощь в работе над статьей.

Работа выполнена в рамках НИР РАНХиГС «Фольклорные идеологии и поведенческие стратегии в современном городе».

(No) danger in the infodemic: How and why fake news and rumors are researched during the pandemic

Alexandra S. Arkhipova [1], [2]

✉ alexandra.arkhipova@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8853-0003

[1] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
[2] New Economic School, Moscow, Russia

To cite this article:
Arkhipova, A. (2020). (No) danger in the infodemic: How and why fake news and rumors are researched during the pandemic. *Urban Folklore & Anthropology*, *III*(1–2), 190–202. (In Russian). DOI: 10.22394/2658-3895-2020-3-1-2-190-202.

This article provides an analysis of several dozens of research papers dwelling on the social aspects of the COVID-19 pandemic — the emergence and development of the infodemic, i. e., a wave of rumors concerning disease — and proceeds to systematize their conclusions and findings. The author unfolds on two points of view concerning such rumors. According to the first point of view, the latter are a social illness and are, therefore, dangerous; according to the second one, such waves of rumors come from psychological adaptation. The coronavirus situation is peculiar in making people following a new medical policy over the long term. However, such new medical information is inherently traumatic as it requires that people change their lifestyle and, therefore, leads to serious stress. Therefore, finding themselves between the rock (the new and unknown danger) and the hard place (unwillingness and lack of understanding as to why the weird and threatening requirements must be followed), people start transmitting messages in which the "uncomfortable" official information is transformed. One cannot deny the negative implications of resorting to ill-advised remedies and ignoring valuable information, nevertheless, the transmission of rumors does serve its social functions. In short term perspective, these actions help not only to gain confidence but also to avoid social atomization in a setting of social tension. This paper is based upon the most recent research in cognitive psychology, sociology and anthropology from Russia and worldwide.

Keywords: urban legend, fake news, COVID-19, infodemic, rumors, urban legends, panic

Весной 2020 года жители (без преувеличения) всего мира узнали не только о новом заболевании — COVID-19, которое угрожало изменить существующий порядок вещей, но и столкнулись с невероятно большим количеством предсказаний, интерпретаций, слухов, городских легенд в отношении новой напасти. Уже в середине февраля Всемирная организация здравоохранения объявила своим врагом не только инфекцию, но и распространение недостоверной информации о ней, для чего был даже придуман новый термин «инфодемия»[1]. Причем ее обсуждение велось в терминах войны: «Мы сражаемся не только с эпидемией, мы сражаемся еще и с инфодемией», — заявил 15 февраля 2020 года глава ВОЗ Тедрос Гебреисус [ВОЗ 2020, 15 февраля].

[1] Этот новый термин имеет два значения, разделенные по времени. Первоначально (в первых числах февраля) этим словом обозначали массовое распространение избыточного объема информации о эпидемии (в том числе по каналам СМИ). В таком значении, например, термин употреблен в статье итальянских специалистов по медиа, написанной в марте 2020 года [Cinelli et al. 2020]. Однако довольно быстро инфодемией стали называть распространение нарративов, содержащих недостоверную и непроверенную информацию.

Этот зонтичный термин «недостоверная информация» никогда не получил точного определения; как правило, авторам достаточно интуитивного противопоставления, что есть информация научная, корректная с точки зрения науки, соответствующая оригинальным источникам, и есть «альтернативная правда», ссылающаяся на выдуманные или некорректно воспроизведенные высказывания политиков, медработников или на «соседа по лестничной клетке». По этой причине в исследовательском поле царит большая путаница: врачи и математики назовут свой объект внимания misinformation или counter-information, специалисты по media studies используют термин fake news, а социологи, антропологи и фольклористы будут говорить о слухах и городских легендах, проникающих в медийную среду.

Вот перед нами древний сюжет о диких животных, вынужденно оказавшихся в канализации: древние римляне опасались осьминогов [Ingemark 2008], которые могли напасть из отхожих мест, жители викторианской Англии — дикой свиньи в трубах [Ellis 1983], ньюйоркцы — аллигаторов в подземном Нью-Йорке. Для фольклориста эти истории — варианты повторяющегося сюжета городской легенды. В медийную эпоху эта городская легенда может быть сообщена в СМИ (как это было в России в 90-е с крысами в метро) в виде новостного сообщения: «Очевидцы видели гигантскую крысу в московском метро». Оказавшись новостью, этот нарратив будет назван fake news или примером «недостоверной информации».

Как было подсчитано методами сетевого анализа, доля таких городских легенд в общем массиве «недостоверной информации» может быть чрезвычайно велика. «Лаборатория социальных машин» из MIT 11 лет изучала три миллиона ретвитов и более 125 тысяч «каскадов» ретвитов правдивых новостей, фейковых новостей и новостей смешанного типа. В полученном массиве fake news на первом месте по количеству оказались сиюминутные политические вымышленные новости, а на втором — вполне фольклорные по своему происхождению «городские легенды» [Vosoughi, Roy, Aral 2018].

Инфодемия 2020 года привела к бурной научной дискуссии: почему вокруг коронавируса возникает столько подобной непроверенной информации и какие социальные механизмы управляют возникновением инфодемии? Одни авторы статей утверждали, что фейки или слухи опасны и являются симптомом «болезни общества» — мало того, передача слухов в реальности может увеличить шансы заболеть. Другие — что процесс естественный и является результатом социальной адаптации, а не симптомом социальной болезни. Эта небольшая статья посвящена разбору аргументов сторонников обеих точек зрения.

Что исследователи знают о слухах к 2020 году

Излюбленный вопрос журналистов — «А кто на самом деле придумывает фейки?». В отличие от них, исследователи формулируют вопрос иначе. Совершенно неважно, кто именно первым придумал и запустил фейковое сообщение. Мало того, очень часто такая постановка вопроса вообще не имеет смысла: текст фейкового сообщения или слуха пластичен, он меняется в процессе передачи, один участник цепочки добавил одно, второе — другое (помните игру в «испорченный телефон»?). Исследователи из Лаборатории социальных машин [Vosoughi, Roy, Aral 2018] в MIT даже построили ботов, которые вбрасывали фейковые сообщения в твиттер. Эти искусственные вбросы ни на что не влияли и не меняли общую картину

распространения. Важно, почему фейковому сообщению или слуху верят и начинают распространять, и поэтому в социальных и психологических исследованиях (в отличие от журналистских расследований) упор делается не на вопрос «кто первым придумал?», а почему этот «слух/фейк стал таким массовым?». Другими словами, если использовать метафору механизма, где есть отправитель сигнала и получатель сигнала с функцией «передать/не передать дальше», внимание фокусируется именно на последнем. Как и почему из всего множества информации, получаемой нами по неформальным каналам коммуникации, мы начинаем активно распространять тексты с непроверенными данными и странными источниками информации?

Расхожее мнение гласит: люди распространяют фейки, потому что не понимают разницы между правдой и ложью. Однако это верно лишь отчасти. Эксперимент Гордона Пенникука и его коллег, проведенный 15 марта 2020 года, отчетливо показал, что не существует прямой зависимости между верой рассказчика в то, что предъявленная новость правдива, и готовностью ее распространять [Pennycook et al. 2020]. На первой стадии эксперимента участники должны были понять, фейковое ли перед ними сообщение о коронавирусе или нет, а на второй — согласиться или отказаться ее распространить. Так вот, в целом люди на удивление легко понимали разницу между правдой и ложью. Однако многие из участников эксперимента (но не те, кто обладал высокими аналитическими способностями) соглашались распространять предъявленное сообщение, даже если они говорили, что оно — фейковое. Получается, что люди распространяют и ту информацию, в достоверности которой сомневаются — ровно потому, что за распознаванием лжи и решением включиться в распространение информации стоят разные когнитивные процессы.

К 2020 году практически все психологические, социологические и фольклористические исследователи слухов и фейковых сообщений согласны с тем, что существуют две предпосылки, способные вызывать их массовое распространение, особенно в ситуации социальных катастроф. Это (1) повышенный уровень стресса и (2) кризис доверия к институтам власти.

Во-первых, многочисленные эксперименты когнитивных психологов показали, что если рассказчик испытывает стресс и пониженное чувство контроля над своей жизнью или если в ходе эксперимента ему искусственно занизили чувство контроля, то он выказывает гораздо большее желание соглашаться или распространять конспирологические слухи [Swami et al. 2016]. В эксперименте Ландау, Салливана и Ротшильда было продемонстрировано, что если человек с пониженным чувством внутреннего контроля считает устройство своего общества нестабильным, то он более склонен объяснять все негативные изменения вмешательством внешнего врага [Sullivan, Landau, Rothschild 2010]. Повышение негативного эмоционального фона экспериментальным путем также способствует усилению доверия к содержанию фейковых сообщений [Martel, Pennycook, Rand 2020].

Во-вторых, большое количество и психологов, и социологов указывает на зависимость между распространением слухов и фейков и ростом недоверия к институтам власти и официальным источникам информации [Fine 2007, Wood, Douglas, Sutton 2012]. Особенно заметной эта связь становится в период значительных социальных напряжений и катастроф. В то же время те группы, которые не могут влиять на политическую и социальную ситуацию и поэтому чувствуют себя депривированными, пораженными в

правах, проявляют большую склонность[2] к распространению слухов и конспирологии [Parsons et al. 1999].

Два мира — два Шапиро

Таким образом, совершенно очевидно, что в ситуации пандемии и сопутствующих ей стресса и кризиса доверия слухи и прочие типы «недостоверной информации» не могут не возникать, более того, *их следует ждать*. Вопрос только в том, какую функцию они выполняют — вредят ли они или помогают?

Сторонники первого подхода считают, что эти тексты весьма опасны. А значит, главная задача заключается в том, что мы должны понять, как именно такие тексты распространяются и что можно им противопоставить.

Сторонники второго подхода, как правило, это антропологи и психологи, подвергают сомнению оба эти утверждения. Они исходят из убеждения, что фейковые сообщения — а именно так в этом обзоре я буду называть примеры «недостоверной информации» — актуализируются в момент социальной опасности не благодаря испорченности информационных цепочек, а выполняют роль социального регулятора. Другими словами, они возникают как эволюционное преимущество, а не как недостаток.

Опасные тексты в опасном мире: первый подход

За последние 40 лет самыми разными исследователями неоднократно высказывалось предположение, что слухи и фейки могут «заражать» носителя информации так же, как его тело заражает вирус, тем самым они могут заставлять человека менять свое поведение в нежелательную сторону. Именно поэтому антрополог Паскаль Буайе называет такие тексты и представления «мусорной информацией» или «эпистемической неудачей» и определяет их как «ложные сообщения с точки зрения приспособленности» [Буайе 2019: 89].

В 2001 году в «Журнале математической социологии» была опубликована статья Эндрю Ноймера, автор которой объяснял распространение слухов через эпидемиологическую модель SIR [Noymer 2001]. Однако только в последнее время появились исследования того, каким образом слухи и фейки «инфицируют» носителя. Британские специалисты по количественному моделированию в эпидемиологии Джули Брайнард и Пол Хантер, изучив поведение людей во время локальных вспышек инфекционных заболеваний, обратили внимание на то, что люди, вне зависимости от уровня образования, пола, возраста, плохо реагируют на медицинскую пропаганду, но в то же время охотно следуют псевдомедицинским советам своего окружения. В ноябре 2019 года они описали математическую модель, имитирующую «заражение» «плохими советами» по тем же принципам, по которым распространяются эпидемии инфекционных заболеваний. Согласно этой модели, если один носитель информации «заражал» другого псевдомедицинским советом, то вероятность следования правильному медицинскому совету падала. В целом для популяции риск заражения инфекционным заболеванием в такой ситуации возрастал на 40% [Brainard, Hunter 2019].

[2] Кроме того, чем больше конспирологических интерпретаций содержится в информации, которую человек потребляет, тем выше вероятность того, что он будет оценивать в конспирологическом ключе последующие события [Prooijen van, Douglas 2017, 2018].

Поэтому неудивительно, что первыми на фронт борьбы с инфодемией были мобилизованы врачи-эпидемиологи. В частности, старейший и известнейший медицинский журнал The Lancet вплотную приблизился к тому, чтобы стать журналом фольклористическим и антропологическим. И это только частично шутка: уже в январе и феврале, когда основным очагом инфекции оставался Китай, в этом журнале постоянно появлялись тревожные публикации об проявлениях расизма и увеличении роста антикитайской ксенофобии[3], которая ухудшает общее состояние обществ и замедляет распространение медицинской информации.

В начале марта, когда пандемия охватила Европу, уровень распространения инфодемии попытались замерить итальянские исследователи социальных медиа. Уолтер Кватрочокки с соавторами в статье, препринт которой был опубликован 10 марта 2020 года [Cinelli et al. 2020], собрали и исследовали 8 млн видеозаписей и текстов о коронавирусе, циркулировавших с 1 января 2020 года по 15 февраля 2020 года в трех крупных социальных медиа (Twitter, Instagram, YouTube) и двух менее массовых соцсетях (Reddit, Gab). Согласно полученным данным, среди всей проанализированной информации об эпидемии советы по защите от опасности, в том числе фейкового характера (то, что авторы статьи называют protection advices), устойчиво занимают первые пять мест по популярности (наибольшее число подобных советов встречается в Instagram — на втором месте по популярности).

Таким образом, к концу марта в сообществе эпидемиологов, а также среди многочисленных исследователей социальных медиа (см. например, [Ren, Gao, Chen 2020]) сложилось мнение, что на первом месте по степени опасности для населения оказываются народные рецепты и псевдомедицинские советы. На втором — отрицание COVID-19 и конспирологические объяснения этого отрицания. Псевдомедицинские советы и народные рецепты опасны тем, что мешают распространению и восприятию медицинской информации. Практически каждый житель России видел (или, по крайней мере, слышал) длинную цепочку медицинских советов, которая в Рунете распространяется под видом информации от «молодого врача из РФ Юры Климова», который работает «в китайском госпитале с вирусом в Ухань». Эти советы появились в феврале в Китае и довольно быстро были переведены на несколько языков, включая английский. В американской версии советы распространяются от имени Mount Sinai, госпиталя в Нью-Йорке или от Стэнфордского университета [Silverman 2020]. Цепочка советов «Юры из Уханя» представляют собой нелепую смесь медицинской и псевдомедицинской информации. В них говорится, что вирус «умирает при 26 градусах», вызывается микробами, что единственное спасение «быть часто под солнцем» и «пить много горячей воды». В российском сегменте социальных сетей этот совет был процитирован свыше 298 тысяч раз за период с 24 февраля 2020 по 13 мая 2020[4]. Бессмысленный, с медицинской точки зрения, совет делать «дыхательный тест» для определения того, больны ли вы COVID-19, был процитирован как минимум 300 тысяч раз. Народный совет лечиться горячей водой набрал за тот же период почти 175 тысяч упоминаний[5].

Для того, чтобы оценить степень влияния псевдомедицинских советов и конспирологических теорий на повышение рисков от коронавируса было

[3] Например, [White 2020, Shimizu 2020, Devakumar et al. 2020, Hou et al. 2020].

[4] По данным сервиса сбора данных соцмедиа «Медиалогия».

[5] Подробнее см. статью Марии Гавриловой в этом номере об этих советах [Гаврилова 2020].

проведено резонансное исследование [Bursztyn et al. 2020]. В США существует популярный телеканал Fox News, основная аудитория которого — консерваторы в возрасте 55+. Два популярных ведущих шоу, Шон Хэннити и Такер Карлсон, в январе-феврале 2020 года высмеивали опасность коронавируса, распространяли конспирологические истории о происхождении инфекции и издевались над медицинскими рекомендациями. Однако затем Карлсон резко изменил свое поведение и стал давать обычные медицинские рекомендации. Хэннити аналогичным образом изменил свое поведение только 8 дней спустя. Чтобы проверить, отразилось ли это на их аудитории, авторы препринта «Недостоверная информация в эпоху пандемии» провели опрос 1500 респондентов из аудитории Fox News: оказалось, что поклонники Хэннити в меньшей степени стремились изменить свои гигиенические привычки. Далее исследователи наложили на карту данные по заболеваемости/смертности, популярности Fox News и того факта, какая из двух передач приходилась на время, когда средняя семья собирается за ужином и смотрит телевизор. Среди зрителей более конспирологического шоу Хэннити было зафиксировано на 34% больше случаев заболевания (на момент 14 марта) и на 24% больше смертей от COVID-19 (на 28 марта), чем у тех, входил в аудиторию более алармистских выступлений Карлсона. В дальнейшем разница сгладилась, потому что в связи с тяжелой эпидемиологической ситуацией в США риторика канала была изменена.

Рассказчики слухов... объединяйтесь?, или второй подход

Те исследования, которые мы обсуждали выше, подчеркивают, что следование паническим слухам (и особенно псевдомедицинским советам) страшно вредит людям. Таким образом, слухи и другие фейковые сообщения, вызванные стрессом и поддержанные медийными фигурами (вспомним кейс Хэннети-Карлсона, разобранный выше!), становятся следствием неправильной медийной, политической или медицинской политики. Но давайте всё же посмотрим на ситуацию с другой стороны. Неужели массовое распространение самых разных текстов во время этой и всех других предыдущих эпидемий, а также природных катастроф — только результат неправильного поведения? А что если перед нами важный психологический инструмент, который мы приобрели во время эволюции, только видим его с «изнанки»? Что если слухи возникают *не как следствие проблемы, а как способ ее решить*?

Зачем нам постоянно обсуждать, «что сказала княгиня Марья Алексеевна»? Откуда берется этого социальный механизм? «Обмен слухами, народными советами, псевдомедицинскими рецептами и другими текстами, плавающими в "реке" неформальной коммуникации — естественный процесс в человеческих обществах», — может сказать сторонник теории появления слуха как эволюционного преимущества.

Известный эволюционный психолог и антрополог Робин Данбар и его исследовательская группа [Dunbar 2004] замеряли темы спонтанных разговоров европейцев (в нескольких странах) между собой в течение 30 минут в повседневной ситуации, во время отдыха. В каждом отрезке были темы «семья», «политика» и т. д. Так вот, сплетням (то есть обсуждению событий, происходящих с другими людьми и их окружением) наблюдаемые посвящали около 65% своего разговора, причем на первом месте по популярности среди этих спонтанных сплетен — поиск советов. Стремление к

обмену такой несодержательной информацией по сути есть «социальный груминг», способ поддержать эмоциональный баланс, укрепление социальных связей между рассказчиком и «своей группой» [Dunbar 2010]. Это нас объединяет и позволяет проверять «на месте ли я». Сплетни, то есть «пережевывание сведений» об окружающих нас людях, а также слухи о событиях большого мира нас сплачивают. Причем, чем больше внешняя угроза, тем сильнее нужен «социальный клей» (приветы, поздравления, сплетни) внутри группы.

А теперь посмотрите на ситуацию, в которой мы только что прожили 9 месяцев, с этой стороны. Эпидемия опасна не только угрозой заражения, но и распадением социальных связей — так называемой социальной атомизацией: лекций не читаем, в барах не сидим, на митинги не ходим. Разрушение связей вызывает социальное напряжение. Комфортная нам «группа поддержки» уменьшается. А нам нужны люди, которым мы высказываем поддержку фатическим разговором и которые то же самое сделают для нас.

Как эту проблему решить? Ответ со стороны макроэволюции очень прост — усилить груминг, другими словами — неформальную коммуникацию между людьми о том, что происходит в этом мире. В 1991 году американский историк Роберт Терстон задался похожим вопросом о неформальной коммуникации во время Большого террора. Волны репрессий идут одни за одной, советские граждане не знали, что будет с ними завтра, многие сидели всю ночь и ждали ареста — тем не менее люди шепотом, тихо, но рассказывали политические анекдоты, хотя прекрасно понимали, что это опасное деяние (от 5 до 10 лет давали за «антисоветские анекдоты» по печально известной статье 58-10). Но почему во второй половине 1930-х советские граждане рисковали своей свободой ради шуток? По мнению Роберта Терстона, страх перед государственной машиной репрессий разрушал доверие между людьми, а коммуникация с помощью юмористических текстов не только понижала страх, но и восстанавливала это доверие. «Смотрите на меня — я рассказываю анекдот, значит, я не боюсь, смотрите — я рассказываю вам, а значит, я вам доверяю» — так можно было бы описать социальную функцию анекдотов во время репрессий [Thurston 1991].

В современной российской ситуации частью вот этой неформальной коммуникации являются fake news, появляющиеся со всех сторон — от самых страшных («правительство скрывает — заболевших сотни тысяч») до веселых («мастурбация спасает от вируса»). Но почему именно фейки? Вдумайтесь: некий «молодой врач из РФ Юра Климов, работающий в госпитале в Ухани, позвонил знакомым и рассказал, как спастись от вируса», а жена военного сообщает по секрету: «закройте окна — город дезинфицируют». Все это «добрые советы». Истинные или ложные, эти тексты распространяются для того, чтобы предупредить друга, родственника, соседа. Это те же самые советы, которыми постоянно обмениваются американцы в исследовании сплетен, проводимом группой Данбара (и хочу напомнить, что «хорошие советы» были самой популярным наполнением неформальных разговоров), а также те самые советы, которые были столь популярны в Инстаграме в марте 2020 года [Cinelli at al. 2020]. В ситуации, когда доверие к официальным инстанциям падает и люди не понимают, как надо или не надо реагировать на новую угрозу, хорошие советы, часто ложные или бессмысленные, наполняют наши уши. И именно они оказываются «суперклеем», в срочном порядке цементирующим наши распадающиеся социальные связи. Фейковые новости предлагают немедленно отреагировать на сверхактуальную опасность, и поэтому они становятся удачными

«трансгрессорами» — у них появляется способность быстро пересекать любые границы. Напуганная мама быстро посылает информацию в родительский чат и вообще всем незнакомым людям просто потому, что она чувствует, что имеет моральное право так сделать.

Такой эффект наблюдался в ситуации предыдущих известных кризисов в ситуации недоверия к официальным источникам информации. После урагана «Катрина» в США в 2005 году, повлекшего значительные жертвы и разрушения, люди в благополучном районе, куда были эвакуированы пострадавшие от урагана, массово распространяли слухи о готовящихся нападениях, и таким образом был усилен «соседский надзор» [Thomas 2007]. В ситуации тотального недоверия властям слухи о готовящихся нападениях в Мексике увеличивали способность сообществ к низовому контролю [Soltero 2016], а в 2020 году во время карантина в Москве ровно такую функцию выполняли слухи о атакующих мирных обывателей мигрантах [Пейгин 2020].

Между Сциллой и Харибдой: две функции слухов о коронавирусе

Нынешняя ситуация с коронавирусом отличается от реакции на природную катастрофу тем, что люди сталкиваются с необходимостью в долгосрочной перспективе следовать новой медицинской политике. Однако эта новая медицинская информация (например, о новой болезни — ВИЧ-инфекции или COVID-19) весьма травматична сама по себе — она требует от людей изменения их образа жизни, и из-за этого она, как правило, вызывает сильный стресс[6]. В результате, оказываясь между Сциллой (новой непонятной опасностью) и Харибдой (нежеланием и непониманием, почему надо выполнять странные и угрожающие предписания), люди начинают распространять сообщения, в которых «неудобная» для них официальная информация трансформируется.

Например, в конце 1980-х и начале 1990-х годов в США и Канаде начала распространяться медицинская пропаганда против ВИЧ-инфекции: людям объясняли, что источником опасности является твоя собственная сексуальная жизнь, поэтому надо проверять своих сексуальных партнеров, не вести беспорядочной половой жизни. Другими словами, источник опасности — внутри семьи, а способ борьбы требует от человека изменения собственной жизни радикальным образом. И тут внезапно в Северной Америке появляется большое количество слухов[7] о том, что некие анонимные злодеи (а также уже заболевшие СПИДом) подкладывают иголки, зараженные ВИЧ, в места общего пользования. Таким образом, герой рассказа идет в кинотеатр, садится на свое сиденье и немедленно заражается. Американский фольклорист Дайан Голдстин доказывает, что эти слухи об отравленных иглах является способом непрямого сопротивления медицинской пропаганде. Официальная информация предлагала неудобную и некрасивую правду — источником опасной болезни легко может стать обычный человек или его близкие. Легенда говорит — «нет, это дело рук внешних злодеев, а если даже ты сам заразился, то ты — невинная жертва и это не твоя зона ответственности» [Goldstein 2004].

[6] Такой «вернакулярной оценкой риска» много занимаются в США и Канаде замечательные фольклористы Дайан Голдстин и Андреа Китта [Goldstein 2004, Kitta 2012].

[7] Эти слухи хорошо известны и жителям бывшего СССР. Об этом подробнее см. в статье [Карпунина 2018].

Ровно также слухи (наша исследовательская группа обнаружила целых 164 сюжета о коронавирусе, распространенных на территории РФ[8]) «работают» с нашей повседневностью, которая в одночасье стала непонятной и даже враждебной. Слухи и городские легенды о коронавирусе могут смягчать официальную риторику, так что целые группы («мы») «выводятся» из группы риска: «этот вирус действует только на китайцев» (слух января 2020 года). Либо предельно просто и понятно объясняется, где именно находится угроза: «не покупайте бананы, они заражены коронавирусом»[9]. На худой конец, рассказывается, какими доступными средствами от угрозы спастись: «пейте водку», «ешьте чеснок»[10]. Иногда, если изменение образа жизни несет для человека большой риск (закрытие бизнеса, потеря работы), это приводит к значительному отрицанию достоверной медицинской информации. Так вернакулярное восприятие риска оказывается своего рода психологической «подушкой безопасности», которая защищает своего «носителя», но при этом может в реальности сильно ему повредить.

Итак, круг замкнулся. Слухи по сути выполняют обе функции. Они могут в буквальном смысле быть «эпистемической неудачей» — затруднять передачу нужных сведений и таким образом наносить вред. Однако этот вред наносится в некоторой временной перспективе — сразу ты его не почувствуешь, результат следования вредным советам наступает через одну, две, три недели, а может и вообще никогда не наступить. А с точки зрения мгновенной психологической реакции слухи о коронавирусе (и не только) являются преимуществом — они объединяют людей, чем самым создавая комфортное чувство «мы вместе», позволяют усиливать «низовой контроль» против некоего врага (часто только воображаемого), а также вступать в непрямое сопротивление неприятной медицинской информации. Можно лишь процитировать Паскаля Буайе: «Мусорная культура при определенных условиях одновременно разрушительна с эпистемической и выгодна с эволюционной точки зрения» [Буайе 2019: 119].

Литература

Белянин, С. В. (2020). Бойтесь бананов, болезнь приносящих: легенды о зараженных фруктах. *Фольклор и антропология города, III*(1–2), 214–223.

Буайе, П. (2019). *Анатомия человеческих сообществ: как сознание определяет наше бытие*. М.: Альпина нон-фикшен.

ВОЗ (2020, 15 февраля). Мюнхенская конференция по безопасности. *Сайт Всемирной организации здравоохранения*. Режим доступа: https://www.who.int/ru/dg/speeches/detail/munich-security-conference

Гаврилова, М. В. (2020). Водка, сода и чеснок: «народные» лекарства против страхов. *Фольклор и антропология города, III*(1–2), 224–261.

Карпунина, А. А. (2018). «Добро пожаловать в мир СПИДа»: легенды о «зараженных» иглах с 1980-х годов и до наших дней. *Фольклор и антропология города, I*(1), 284–297.

Пейгин, Б. С. (2020). Панические нарративы об «опасных мигрантах»: возникновение и бытование в условиях эпидемии COVID-19 в России. *Фольклор и антропология города, III*(1–2), 262–281.

Brainard, J., Hunter, P. R. (2019). Misinformation making a disease outbreak worse: Outcomes compared for influenza, monkeypox, and noroviru. *Simulation, 96*(4), 365–374.

[8] Эти сюжеты будут разобраны в отдельной статье: Архипова, А. С., Радченко, Д. А. и др. (2020). От ватсапа до Следственного комитета: жизненный цикл инфодемии в России. Мониторинг общественного мнения, 2020(6). В работе.

[9] См. об этом слухе статью Сергея Белянина в этом номере [Белянин 2020].

[10] См. об этом слухе статью Марии Гавриловой в этом номере [Гаврилова 2020].

Bursztyn, L., Rao, A., Roth, C., Yanagizawa-Drott, D. (2020). Misinformation during a pandemic. *University of Chicago, Becker Friedman Institute for Economics Working Paper No. 2020-44*. Retrieved from https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3580487

Cinelli, M., Quattrociocchi, W., Galeazzi, A., Valensise, C. M., Brugnoli, E., Schmidt, A. L., Zola, P., Zollo, F., Scala, A. (2020, March 10). *The COVID-19 social media infodemic*: preprint. Retrieved from https://arxiv.org/abs/2003.05004

Devakumar, D., Shannon, G., Bhopal, S. S., Abubakar, I. (2020). Racism and discrimination in COVID-19 responses. *The Lancet, 395*(10231), 1194.

Dunbar, R. (2004). Gossip in evolutionary perspective. *Review of General Psychology, 8*(2), 100–110.

Dunbar, R. (2010). *How many friends does one person need?: Dunbar's number and other evolutionary quirks.* London: Harvard University Press.

Ellis, B. (1983). De legendis urbis: Modern legends in Ancient Rome. *Journal of American Folklore, 1983*(96), 200–208.

Fine, G. A. (2017). Rumor, trust and civil society: Collective memory and cultures of judgment. *Diogenes, 54*(1), 5–18.

Goldstein, D. E. (2004). *Once upon a virus: AIDS legends and vernacular risk perception.* Logan: Utah State University Press.

Hou, Zh., Du, F., Jiang, H., Zhou, X., Lin, L. (in press). *Assessment of public attention, risk perception, emotional and behavioural responses to the COVID-9 outbreak: Social media surveillance in China.* Retrieved from https://www.medrxiv.org/content/10.1101/2020.03.14.20035956v1

Ingemark, C. (2008). The octopus in the sewers: An ancient legend analogue. *Journal of Folklore Research, 45*(2), 145–170.

Kitta, A. (2012). *Vaccinations and public concern in history: Legend, rumor, and risk perception.* New York: Routledge.

Martel, C., Pennycook, G., Rand, D. G. (2020). *Reliance on emotion promotes belief in fake news*: preprint. Retrieved from https://psyarxiv.com/a2ydw/

Noymer, A. (2001). The transmission and persistence of 'urban legends': Sociological application of age-structured epidemic models. *Journal of Mathematician Sociology, 25*(3), 299–323.

Parsons, S., Simmons, W., Shinhoster, F., Kilburn, J. (1999). A test of the grapevine: An empirical examination of conspiracy theories among African Americans. *Sociological Spectrum, 19*(2), 201–222.

Pennycook, G., McPhetres, J., Zhang, Y., Rand, D. G. (2020). Fighting COVID-19 misinformation on social media: Experimental evidence for a scalable accuracy nudge intervention. *Psychological Science, 31*(7), 770–780.

Prooijen van, J-W., Douglas, K. M. (2017). Conspiracy theories as part of history: The role of societal crisis situations. *Memory studies, 10*(3), 323–333.

Prooijen van, J-W., Douglas, K. M. (2018). Belief in conspiracy theories: Basic principles of an emerging research domain. *European Journal of Social Psychology, 48*(7), 897–908.

Ren, Sh-Y., Gao, R.-D., Chen, Ye-L. (2020). Fear can be more harmful than the severe acute respiratory syndrome coronavirus 2 in controlling the corona virus disease 2019 epidemic. *World J Clin Cases, 8*(4), 652–657.

Shimizu, K. (2020). 2019-nCoV, fake news, and racism. *The Lancet, 395*(10225), 685–686.

Silverman, C. (2020, March 12). That viral post with coronavirus tips has some really bad advice. Drinking water is good, but it won't kill the COVID-19 virus. *BuzzFeed News*. Retrieved from https://www.buzzfeednews.com/article/craigsilverman/coronavirus-drink-water-advice-debunk

Soltero, G. (2016). Crime urban legends in Mexico: A case study of authorless narratives that contribute to implicit cultural policy. *International Journal of Cultural Policy, 22*(2), 181–199.

Sullivan, D., Landau, M. J., Rothschild, Z. K. (2010). An existential function of enemyship: Evidence that people attribute influence to personal and political enemies to compensate for threats to control. *Journal of Personality and Social Psychology, 98*(3), 434–449.

Swami, V., Furnham, A., Smyth, N., Weis, L., Ley, A., Clow, A. (2016). Putting the stress on conspiracy theories: Examining associations between psychosocial stress, anxiety, and belief in conspiracy theories. *Personality and Individual Differences, 2016*(99), 72–76.

Thomas, S. A. (2007). Lies, damn lies, and rumors: An analysis of collective efficacy, rumors, and fear in the wake of Katrina. *Sociological Spectrum, 27*(6), 679–703.

Thurston, R. W. (1991). Social dimensions of Stalinist rule: Humor and terror in the USSR, 1935–1941. *Journal of Social History, 24*(3), 541–562.

Vosoughi, S., Roy, D., Aral, S. (2018). The spread of true and false news online. *Science, 359*(6380), 1146–1151.

White, A. I. R. (2020). Historical linkages: Epidemic threat, economic risk, and xenophobia. *The Lancet, 395*(10232), 1250–1251.

Wood, M. J., Douglas, K. M., Sutton, R. M. (2012). Dead and alive: Beliefs in contradictory conspiracy theories. *Social Psychological and Personality Science, 3*(6), 767–773.

References

Belyanin, S. (2020). Beware of bananas bearing disease: Legends about infected fruits. *Urban Folklore & Anthropology, III*(1–2), 214–223. (In Russian).

Boyer, P. (2019). *Minds make societies. How cognition explains the world humans create*. Moscow: Alpina non-fiction. (In Russian).

Brainard, J., Hunter, P. R. (2019). Misinformation making a disease outbreak worse: Outcomes compared for influenza, monkeypox, and noroviru. *Simulation, 96*(4), 365–374.

Bursztyn, L., Rao, A., Roth, C., Yanagizawa-Drott, D. (2020). Misinformation during a pandemic. *University of Chicago, Becker Friedman Institute for Economics Working Paper No. 2020-44.* Retrieved from https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3580487

Cinelli, M., Quattrociocchi, W., Galeazzi, A., Valensise, C. M., Brugnoli, E., Schmidt, A. L., Zola, P., Zollo, F., Scala, A. (2020, March 10). *The COVID-19 social media infodemic*: preprint. Retrieved from https://arxiv.org/abs/2003.05004

Devakumar, D., Shannon, G., Bhopal, S. S., Abubakar, I. (2020). Racism and discrimination in COVID-19 responses. *The Lancet, 395*(10231), 1194.

Dunbar, R. (2004). Gossip in evolutionary perspective. *Review of General Psychology, 8*(2), 100–110.

Dunbar, R. (2010). *How many friends does one person need?: Dunbar's number and other evolutionary quirks.* London: Harvard University Press.

Ellis, B. (1983). De legendis urbis: Modern legends in Ancient Rome. *Journal of American Folklore, 1983*(96), 200–208.

Fine, G. A. (2017). Rumor, trust and civil society: Collective memory and cultures of judgment. *Diogenes, 54*(1), 5–18.

Gavrilova, M. (2020). Vodka, baking soda and garlic: "Folk" remedies against fear. *Urban Folklore & Anthropology, III*(1–2), 224–261. (In Russian).

Goldstein, D. E. (2004). *Once upon a virus: AIDS legends and vernacular risk perception.* Logan: Utah State University Press.

Hou, Zh., Du, F., Jiang, H., Zhou, X., Lin, L. (in press). *Assessment of public attention, risk perception, emotional and behavioural responses to the COVID-9 outbreak: Social media surveillance in China.* Retrieved from https://www.medrxiv.org/content/10.1101/2020.03.14.20035956v1

Ingemark, C. (2008). The octopus in the sewers: An ancient legend analogue. *Journal of Folklore Research, 45*(2), 145–170.

Karpunina, A. (2018). Welcome to world of AIDS: needle-prick narratives from the 1980s to the present day. *Urban Folklore & Anthropology, I*(1), 284–297. (In Russian).

Kitta, A. (2012). *Vaccinations and public concern in history: Legend, rumor, and risk perception.* New York: Routledge.

Martel, C., Pennycook, G., Rand, D. G. (2020). *Reliance on emotion promotes belief in fake news*: preprint. Retrieved from https://psyarxiv.com/a2ydw/

Noymer, A. (2001). The transmission and persistence of 'urban legends': Sociological application of age-structured epidemic models. *Journal of Mathematician Sociology, 25*(3), 299–323.

Parsons, S., Simmons, W., Shinhoster, F., Kilburn, J. (1999). A test of the grapevine: An empirical examination of conspiracy theories among African Americans. *Sociological Spectrum, 19*(2), 201–222.

Peigin, B. (2020). Panic narratives about the "dangerous migrants": Their origins and existence during the COVID-19 epidemic in Russia. *Urban Folklore & Anthropology, III*(1–2), 262–281. (In Russian).

Pennycook, G., McPhetres, J., Zhang, Y., Rand, D. G. (2020). Fighting COVID-19 misinformation on social media: Experimental evidence for a scalable accuracy nudge intervention. *Psychological Science, 31*(7), 770–780.

Prooijen van, J-W., Douglas, K. M. (2017). Conspiracy theories as part of history: The role of societal crisis situations. *Memory studies, 10*(3), 323–333.

Prooijen van, J-W., Douglas, K. M. (2018). Belief in conspiracy theories: Basic principles of an emerging research domain. *European Journal of Social Psychology, 48*(7), 897–908.

Ren, Sh-Y., Gao, R.-D., Chen, Ye-L. (2020). Fear can be more harmful than the severe acute respiratory syndrome coronavirus 2 in controlling the corona virus disease 2019 epidemic. *World J Clin Cases, 8*(4), 652–657.

Shimizu, K. (2020). 2019-nCoV, fake news, and racism. *The Lancet, 395*(10225), 685–686.

Silverman, C. (2020, March 12). That viral post with coronavirus tips has some really bad advice. Drinking water is good, but it won't kill the COVID-19 virus. *BuzzFeed News*. Retrieved from https://www.buzzfeednews.com/article/craigsilverman/coronavirus-drink-water-advice-debunk

Soltero, G. (2016). Crime urban legends in Mexico: A case study of authorless narratives that contribute to implicit cultural policy. *International Journal of Cultural Policy, 22*(2), 181–199.

Sullivan, D., Landau, M. J., Rothschild, Z. K. (2010). An existential function of enemyship: Evidence that people attribute influence to personal and political enemies to compensate for threats to control. *Journal of Personality and Social Psychology, 98*(3), 434–449.

Swami, V., Furnham, A., Smyth, N., Weis, L., Ley, A., Clow, A. (2016). Putting the stress on conspiracy theories: Examining associations between psychosocial stress, anxiety, and belief in conspiracy theories. *Personality and Individual Differences, 2016*(99), 72–76.

Thomas, S. A. (2007). Lies, damn lies, and rumors: An analysis of collective efficacy, rumors, and fear in the wake of Katrina. *Sociological Spectrum, 27*(6), 679–703.

Thurston, R. W. (1991). Social dimensions of Stalinist rule: Humor and terror in the USSR, 1935–1941. *Journal of Social History, 24*(3), 541–562.

Vosoughi, S., Roy, D., Aral, S. (2018). The spread of true and false news online. *Science, 359*(6380), 1146–1151.

White, A. I. R. (2020). Historical linkages: Epidemic threat, economic risk, and xenophobia. *The Lancet, 395*(10232), 1250–1251.

WHO (2020, February 15). Munich security conference. *World Health Organization Website*. Retrieved from https://www.who.int/ru/dg/speeches/detail/munich-security-conference (In Russian).

Wood, M. J., Douglas, K. M., Sutton, R. M. (2012). Dead and alive: Beliefs in contradictory conspiracy theories. *Social Psychological and Personality Science, 3*(6), 767–773.